

А
Петр Андреевич Вяземский

<О переводе>

Русские писатели о переводе: XVIII-XX вв. Под ред. Ю. Д. Левина и А. Ф. Федорова.
Л., "Советский писатель", 1960.

[OCR Бычков М. Н.](#)

П. А. Вяземский -- поэт и критик, примыкавший в конце 1810-х и в 1820-е годы к декабристскому движению. В этот период он выступал горячим защитником прогрессивного романтизма. Вяземский перевел прозой "Крымские сонеты" А. Мицкевича (1827) и роман Б. Констана "Адольф" (1829). В 1818 и 1820 годах он по долгу службы (Вяземский служил тогда в канцелярии императорского комиссара в Варшаве) переводил на русский язык французские речи Александра I польскому сейму.

В предисловиях к своим переводам Вяземский отстаивал принцип буквального следования оригиналу. Значительное число высказываний по различным вопросам перевода содержится в его критических и историко-литературных работах и в обширной переписке.

Источники текстов:

Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, тт. I, II, IX, X. СПб., 1878--1886.

Остафьевский архив князей Вяземских. Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова, тт. I, II. СПб., 1899--1901.

ВЯЗЕМСКИЙ-ПЕРЕВОДЧИК. ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА¹

...Искусному переводчику можно в переводе древнего писателя следовать довольно верно его смелым оборотам, а в переводе, например, английского строго придерживаться буквально философского порядка английской прозы.

1822. О двух статьях, напечатанных в "Вестнике Европы".-- Полн. собр. соч., т. I, стр. 90.

Есть два способа переводить: один независимый, другой подчиненный. Следуя первому, переводчик, напившись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы; следуя другому, он старается сохранить и самые формы, разумеется, соображаясь со стихиями языка, который у него под рукою. Первый способ превосходнее; второй невыгоднее; из двух я избрал последний. Есть еще третий способ переводить: просто переводить худо. Но нехоти мне здесь говорить о нем. Из мнений моих, прописанных выше о слоге Б. Констана, легко вывести причину, почему я связал себя *подчиненным переводом*. Отступления от выражений автора, часто от самой симметрии слов, казались мне противоестественным изменением мысли его. Пускай назовут веру мою суеверием, по крайней мере оно не притворно. К тому же, кроме желания моего познакомить русских писателей с этим романом <"Адольф">, имел я еще мою собственную цель: изучивать, ощупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному, разумеется опять, без увечья, без распятыя на ложе прокрустовом. Я берегся от галлицизмов слов, так сказать, синтаксических или вещественных, но допускал галлицизмы понятий умозрительные, потому что тогда они уже европеизмы. Переводы независимые, то есть пересоздания, переселения душ из иностранных языков в русский, имели у нас уже примеры блестящие и разве только что достижимые: так переводили Карамзин и Жуковский. Превзойти их в этом отношении невозможно, ибо в подражании есть предел